

18+

Сергей Борисович Тамбиев

**Дневник участника
Российской Антарктической Экспедиции**

Сергей Тамбиев

**Дневник участника Российской
антарктической экспедиции**

«Издательские решения»

Тамбиев С. Б.

Дневник участника Российской антарктической экспедиции /
С. Б. Тамбиев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-628035-9

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** Книга знакомит читателей с повседневной жизнью
и работой участников 48 Российской антарктической экспедиции на борту
научно-экспедиционного судна «Академик Фёдоров». Автор описывает
высадки и работу на антарктических полярных станциях «Новолазаревской»,
«Молодёжной», «Прогресс» и «Мирный», раскрывает перед читателем
страницы истории этих станций и освоения Антарктиды. Много внимания
уделяется описанию природы Антарктиды и её уникальным обитателям.
Книга иллюстрирована фотографиями.

ISBN 978-5-00-628035-9

© Тамбиев С. Б.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
1.Начало	8
2.Перелет до Кейптауна. Прибытие на борт нэс «Академик Фёдоров».	10
Стоянка в Кейптауне	
3.Выход в море. «Ревущие сороковые»	16
4.Первая встреча с Антарктидой. Станция Новолазаревская и Оазис Ширмахера	23
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Дневник участника Российской антарктической экспедиции

Сергей Борисович Тамбиев

© Сергей Борисович Тамбиев, 2026

ISBN 978-5-0062-8035-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Как-то, разбираясь в своём столе, я натолкнулся на прозрачную розовую пластиковую папку с застёжкой на «репейнике». В папке лежала изрядной толщины стопка листов бумаги формата А4, страниц на 80 с напечатанным мелким шрифтом текстом. Кроме этого, здесь же находилась маленькая карманная книжечка в белом бумажном переплёте под названием «Школа выживания для полярников» с дарственной надписью автора и маленькая цветная картонная складка, открыв которую я обнаружил два билета на посещение океанариума в Кейптауне «Two Oceans Aquarium», стоимостью 50 рандов каждый. И тут я всё вспомнил. Это же мой дневник, который я вёл во время работы в 48 Российской антарктической экспедиции на научно-экспедиционном судне «Академик Фёдоров» в феврале-апреле 2003 года. Сразу же нахлынули воспоминания более чем 20-летней давности: возвращение в Институт океанологии РАН, в лабораторию академика Александра Петровича Лисицына, после многих лет скитаний по миру и разным организациям, встречи с бывшими коллегами, уговорами Александра Петровича разрешить мне пойти в рейс в Антарктиду, подготовка к этой экспедиции, ну и, конечно же, сама экспедиция.

Лисицын не сразу согласился отпустить меня. Помню, как мы с Инной Абрамовной Немировской, которая должна была возглавить наш отряд, сидели у него в кабинете, и я убеждал Александра Петровича отправить меня в этот рейс, где я мог бы с пользой применить свой богатый экспедиционный и научный опыт. Благодаря поддержке, которую мне оказала Инна, вставшая на мою сторону, мне, в итоге, удалось Лисицына уговорить. А чтобы закрепить успех, я пообещал сделать документальный фильм об этой экспедиции и показать его на очередной Школе по морской геологии. И, кстати, обещание своё я сдержал.

Сейчас, по прошествии стольких лет, уже не стыдно признаться, что основным мотивом для моего возвращения в ИОРАН было желание принять участие в экспедиции в Антарктику, так как я понимал, что судьба предоставляет мне второй шанс попасть туда, о чём я мечтал, с ранней юности, и третьего шанса уже не будет. Первый раз я чуть было не оказался в Антарктиде в 1983 г. во время кругосветной экспедиции в 30 рейсе научно-исследовательского судна (нис) «Дмитрий Менделеев». Мы направлялись из Тихого океана через пролив Дрейка в Атлантический океан и должны были пройти недалеко от нашей антарктической станции Беллинсгаузен. Полярники связались с нами по радию и пригласили посетить станцию. Наш капитан тогда отказался от захода. На пути попадались льды и айсберги, судно было не ледового класса, да и погода не располагала к высадке, так что мы прошли мимо Антарктического полуострова без захода на станцию, к глубокому сожалению всех участников экспедиции. И вот передо мной снова замаячила Антарктида, и этот шанс я уже не мог упустить.

Перечитывая свои записи более чем 20-летней давности, я отдаю себе отчёт, что сейчас уже многое изменилось как на наших полярных станциях, так и в организации морских экспедиций. И люди там работают уже другие и инфраструктура, конечно, улучшилась, и отношение к окружающей природе поменялось в лучшую сторону, и оборудование другое, современное. Ведь в те времена, когда я попал на южный материк, страна только-только начала выкарабкиваться из тяжёлых 90-х годов и главной задачей были даже не научные исследования в Антарктике и Арктике, а хотя бы просто сохранить наше присутствие в этих регионах. Поэтому и основной упор делался не на научных исследованиях, а скорее на выживании полярных станций и их обеспечении. При этом работы часто велись почти в отсутствии какой-либо поддержки чиновников, некоторые из которых искренне не понимали зачем нам тратиться

на Антарктиду, когда и в своей стране забот хватает. Сам слышал такие разговоры от людей, которым даже по долгу службы предписывалось поддерживать работы в полярных регионах. Наблюдалось и внешнее давление на страну, с целью выдавить нас из Антарктиды. И тем не менее, несмотря на все сложности, России удалось отстоять своё присутствие в Антарктическом регионе, и за это современные учёные должны быть признательны своим предшественникам, которые смогли сохранить наши станции в тяжелейших условиях дефицита всего, низких зарплат, пренебрежительного к себе отношения и передать эстафету нынешнему поколению полярных исследователей. Понимаю, что кому-то может что-то не понравиться в этой книге, с чем-то можно и не согласиться, но я принял решение кардинально ничего не менять в тексте. Ведь то, что было написано мной тогда соответствовало истине или моему представлению о ней. Теперь это уже история.

В заключении хочу выразить огромную признательность моей жене, Валентине Ивановне Тамбиевой, которая приложила огромные усилия в редактировании рукописи и высказала много критических и очень полезных замечаний, заметно улучшивших окончательный текст.

Москва, 2026 г.

1. Начало

Москва, 03 февраля 2003 г. 48 Российская антарктическая экспедиция или, сокращённо 48РАЭ, началась для меня с того, что в день отъезда я перепутал Ленинградский вокзал с Белорусским — затмение на меня какое-то нашло. И каким же для меня благом оказалось то, что я имел получасовой запас времени, благодаря которому успел получить оставленный днём на Белорусском вокзале багаж и бегом в метро перепрыгивая через ступеньки добраться до Ленинградского вокзала, таща за собой объёмистый чемодан. Время было позднее и народу в метро было не много. К своему поезду №4 Москва — Санкт-Петербург, я успел прибежать, обливаясь потом и дико озираясь по сторонам за 5 минут до планового отхода, хотя, как всегда в таких случаях, отход поезда был задержан на 15 минут. Так что позора я избежал и воссоединился со своей командой, состоящей из начальника нашего маленького отряда Инны Абрамовны Немировской, доктора геолого-минералогических наук, заведующей аналитической лаборатории Института океанологии им. П. П. Ширшова, Российской академии наук (ИОРАН), Саши Новигатского, инженера лаборатории физико-геологических исследований ИОРАН, Дениса Айбулатова, младшего научного сотрудника Географического факультета МГУ и меня — Сергея Борисовича Тамбиева, кандидата геолого-минералогических наук, старшего научного сотрудника лаборатории физико-геологических исследований ИОРАН.

Санкт-Петербург, 04—06.02.2003 Прибыв на следующее утро в Ст. Петербург, мы оставили весь свой багаж в камере хранения Московского вокзала, взяв с собой только самое необходимое, и отправились в Арктический и антарктический научно-исследовательский институт Росгидромета (ААНИИ), на улицу Беринга, 38, чтобы начать процедуру оформления в экспедицию.

По прибытии в ААНИИ выяснилось, что не хватает каких-то бумаг на всю нашу группу. Не оказалось приказа об экспедиции, который был утерян где-то в недрах отдела кадров или планового отдела ИОРАН, не было каких-то документов на Дениса Айбулатова (хотя в списках экспедиции он числился), а у меня отсутствовала прививка от дифтерита, о которой нам забыли написать в официальной напоминаловке из ААНИИ. В этой суете каждый ответственный и безответственный институтский чиновник угрожал отправить всех нас скопом или по отдельности обратно в Москву.

Чтобы преодолеть все эти объективные и субъективные трудности и завершить наше оформление, весь первый день пришлось провести в беготне по этажам ААНИИ, обменах факсами и телефонными звонками с ИОРАН, пройти инструктаж по технике безопасности, медкомиссию и тестирование на адаптивность (оказывается такое есть не только у космонавтов), получить какие-то бумаги и книжки выполнения задания, подписать всякие юридические отмазки для ААНИИ (типа «в смерти моей прошу никого не винить»), подписать завещание на получение доверенным лицом накопленного в экспедиции «состояния» (из расчёта 5 американских долларов в сутки) и личных вещей и т. д. и т. п. В результате, к концу дня, когда все мы просто ошалели от усталости и были готовы махнуть рукой на экспедицию, нам мягко намекнули, что бегай не бегай, а все равно все мы обречены пойти в этот рейс, так как билеты в Кейптаун уже закуплены на всех у голландской компании KML и обратного пути нет.

На этом, однако, наши злоключения в Питере не закончились, нам требовалось где-то переночевать две ночи до отлёта. У Саши и Инны проблем не было. Саша отправился на постой к родственникам, которых, по его словам, у него в Питере уйма, а Инну тут же пригостили её

друзья по предыдущим экспедициям. Оставались не пристроенными только мы с Денисом (или Дэном, как его окрестил Саша). Днём Инна устроила из ААНИИ звонок некоему Валентину Николаевичу, который распределял гостиничные места в академических и других научных гостиницах. Валентин Николаевич направил нас на станцию Удельная в гостиницу «Наука», где вечером нас встретили совсем даже не дружелюбно, а в духе доброго застойного времени сакраментальными словами «Мест нет!» После некоторых переговоров и звонков начальству, а самое главное нашей ссылки на магическое имя Валентина Николаевича, нам с неохотой выделили однокомнатный номер «полулюкс», который в моём представлении таковым быть просто не мог, в силу множества причин. В качестве иллюстрации, могу только отметить, что на нашу робкую просьбу дать туалетной бумаги нам было предложено возить бумагу с собой, а на данный момент в виде гуманитарной помощи была выдана бесплатно распространявшаяся рекламная газета «Центр плюс».

Промёрзнув всю ночь в питерском «полулюксе», наутро 5 февраля мы опять поехали в ААНИИ, чтобы завершить оставшиеся дела и привезти наши вещи с вокзала. Примерно к полудню я освободился, и мы договорились встретиться с Дэном в 2 часа на станции метро Невский проспект, чтобы произвести обзорную экскурсию по городу. Однако, он не пришёл, и я отправился бродить по городу один. По совету жены решил посетить Спас на Крови, но оказалось, что по средам он не работает. Поехал в Петропавловскую крепость, куда мне не случилось попасть во время предыдущих посещений Питера — и опять облом, по средам и здесь большинство экспозиций и казематов не работает. Удалось осмотреть лишь саму крепость снаружи и музей восковых фигур. Погода же в этот день была пронзительно холодной, с ледяющим ветром со стороны Невы, так что длительные прогулки большого удовольствия не доставляли. Хотел ещё посмотреть музей ледяных фигур, расположившийся рядом с крепостью со стороны Невы, но там заломили неадекватную цену за вход и мне пришлось отказаться от своего намерения. Потом я направил свои стопы в сторону Кунсткамеры, которая на моё счастье оказалось открытой. Разглядывание заспиртованных уродов и кусков человеческой плоти, с затейливой бахромой вокруг отрезанных конечностей, мне никакого удовольствия не доставило, и я быстро перебрался в залы, посвящённые этнографии, где продолжил знакомство с экспонатами до закрытия музея. В принципе, музей оказался неплохим и довольно информативным, однако, выглядел очень уж устаревшим по сравнению с современными музеями Запада и Москвы, где используются последние музейные технологии и достижения.

У дверей гостиницы столкнулся с Дэном, который неожиданно обрёл в Питере доселе не знакомого ему родственника (кажется племянника, оказавшегося выше и старше его) и направлялся к нему в гости с ночёвкой. Последний день моего пребывания в гостинице прошёл под знаком борьбы с холодом. Ночью я горячо благодарил судьбу за то, что она послала Денису нежданную родню, а мне оба его одеяла, что помогло мне продержаться в номере «полулюкс» до утра.

2.Перелет до Кейптауна. Прибытие на борт нэс «Академик Фёдоров». Стоянка в Кейптауне

6 февраля, в 12 часов я уже был в ААНИИ, где влился в нашу небольшую команду. К этому времени все вещи были погружены на машину и отправлены в аэропорт. Инна поехала в аэропорт со своими друзьями на их автомобиле, а мы втроём двинули своим ходом на метро и маршрутке, купив по дороге конверты для писем и перекусив в пиццерии. В аэропорт Пулково-2 мы прибыли, как и требовалось, в 2 часа пополудни и слонялись там часа три-четыре, пока не началась посадка в самолёт. Всего нас в первой партии летело 35 человек (вторая партия вылетала 8 февраля), и мы, я полагаю, помогли голландской авиакомпании KLM выполнить в этот день их план перевозки пассажиров из Санкт-Петербурга.

Наши сотоварищи по перелёту представляли собой довольно-таки разношёрстную публику. Попробую распределить их по категориям:

— зимовщики, которые будут зимовать на разных станциях в течение года. Они едут на смену тем, кто своё уже отзимовал;

— сезонники (в эту категорию входили и мы), это те, кто работает с борта судна с высадками или без оных на морской лёд и материк. Сезонники, зачастую с неодобрением относятся к зимовщикам, считая их не вполне адекватными;

— команда судна, или, как они любят себя называть — экипаж. Считают себя элитой и с глубоким презрением смотрят как на зимовщиков, так и на сезонников.

Первые две категории и представляют собой РАЭ, а третья — команда, как бы сами по себе, хотя формально являются сотрудниками ААНИИ.

Загрузившись в Боинг 737, мы долетели до Амстердама, где пересели в знаменитый Jumbo Jet — Боинг 747, и без особых приключений, с часовой посадкой в Йоханнесбурге, добрались до Кейптауна. Полет занял более 10 часов, кормили так себе и лететь было довольно мучительно.

В Кейптауне нас встретил агент с табличкой в руке «Akademik Fedorov», а также дождь и влажная духота. Агент не знал ни слова по-русски, а наш старший, Володя, который летел на зимовку в Мирный, не знал английского. Я предложил им свою помощь, которая обеими сторонами была с удовлетворением принята. Мы загрузились в автобус, и агент привёз нас сначала к портовым властям, где нам проштемпелевали наши паспорта моряка, а затем подвёз к борту судна, на котором нам предстояло прожить как минимум 3—4 месяца.

Наш будущий плавучий дом научно-экспедиционное судно (нэс) «Академик Фёдоров» произвёл на меня сильное впечатление. Это было огромное, по меркам научного флота, судно водоизмещением более 16000 т, покрашенное в красно-оранжевый цвет, с внушительными мощными кранами и белыми надстройками. Всего на судне оказалось 7 палуб. Наши старые добрые научно-исследовательские суда (нис): «Дмитрий Менделеев», «Витязь», «Академик Мстислав Келдыш», на которых я когда-то ходил в море, и которые казались мне до сегодняшнего дня крупными теплоходами, водоизмещением более 6000 т, не шли ни в какое сравнение с этим гигантом. Нам с Сашей Новигатским выделили 206 каюту на нижней палубе. Каютка, привела нас в полное уныние: унитаза разбит, света нет, грязь везде невероятная, ключа от

каюты тоже нет — его по ошибке увезли на станцию. Злые языки утверждали, что полярники считают ниже своего достоинства производить уборку в своих каютах, а каютные-номерные барышни производили уборку только в каютах команды. Мы пожаловались начальнику отряда сезонников, Кузнецову Василию Леонтьевичу, и нам, не без нервотрёпки, выделили соседнюю 210 каюту, где, по крайней мере, унитаз не был разбит, хотя свет в туалете тоже отсутствовал, но его, по нашей просьбе, быстро наладили.

Обедом нас не накормили, сказав, что мы опоздали на 30 минут, а ближе к вечеру выдали белье. Мы с Новигатским опять немного опоздали к раздаче и получили втык от кастелянши Лены, за то, что отвлекли её от заслуженного отдыха. Замечание было сделано скорее для порядка, чем со злобой. Вечером мы встретились с засланным на борт судна ещё в ноябре прошлого года Сашей Плишкиным, коллегой из ИОРАН.

В этом месте, наверное, следует пояснить, что РАЭ каждый год начинается в ноябре. Судно выходит из Санкт-Петербурга и через Балтийское и Северное моря направляется в Атлантический океан. Далее идёт на юг вдоль Европы, а затем Африки до самой её южной оконечности и, заходит в Кейптаун для бункеровки, иными словами, для заправки горючим и пресной водой и пополнения запаса продуктов. Выйдя из Кейптауна, нэс «Академик Фёдоров» спускается на юг до самой Антарктиды и после посещения станции Новолазаревская следует на восток вдоль Антарктического материка, заходя по пути на все наши станции вплоть до станции Беллинсгаузен, которая находится на Антарктическом полуострове между Тихим и Атлантическим океанами. Оттуда судно возвращается назад, опять с посещением всех станций и снова делает стоянку в Кейптауне, где происходит частичная смена состава РАЭ и бункеровка. На этом этапе, мы и присоединились к экспедиции.

08—15.02.2003, Кейптаун. Утром следующего дня, под предводительством бывалого Саши Новигатского (для него это была уже вторая экспедиция в Антарктиду на «Фёдорове») мы отправились на первое свидание с Кейптауном. Наше судно было пришвартовано на контейнерном терминале, который располагался довольно далеко от города, так что идти пешком пришлось около 40 минут. День был солнечный, но очень ветреный. Я, честно говоря, даже и не ожидал, что в Кейптауне может так задувать в ясную погоду. Саша привёл нас в самое популярное у туристов место — Вотерфронт, имени принца Альфреда и Виктории. Кто такая Виктория я, естественно, знал, а вот насчёт Альфреда приходилось догадываться, пока я где-то не прочитал, что он, оказывается, был вторым сыном Виктории и учредил этот Вотерфронт. Здесь всегда многолюдно и масса завлекательных для приезжих мест: магазины, лавочки с разнообразнейшими африканскими товарами, множество ресторанов, киосков. На дорожках и аллеях время от времени появлялись группы африканской молодёжи в одинаковой форме, которые исполняли ритмичные африканские песни и танцы. Я так и не понял, кого они представляют: разные исполнительские группы или разные колледжи. Таким способом они пытаются подработать, хотя туристы не очень раскошеляются.

В первый же вечер Саша сильно обгорел и, почувствовав себя плохо, ушёл на судно. Мы же с Денисом решили ещё погулять и начали свою экскурсию со старой башни с часами, расположенной в центре Вотерфронта. Внутри башни была деревянная лестница, которая по спирали поднималась до самого верха. Ступеньки лестницы были, с точки зрения городских властей, ветхими и с нас внизу взяли подписку, что мы поднимаемся наверх на свой страх и риск и никого не будем винить если свалимся оттуда. Наверху башни была смотровая площадка, откуда открывался шикарный вид на Вотерфронт, и где мы распили купленную заранее бутылку красного южноафриканского вина. После этого мы спустились вниз и обследо-

вали ювелирные и туристические магазины и палатки, наблюдали за тюленями, греющимися прямо на причалах и совершенно не боящихся людей и погуляли по причалам Вотерфронта.

Когда уже стемнело, мы с Денисом возвращались одни по пустынным улицам Кейптауна, и не зная точного направления, конечно, заблудились. Определиться на местности мы пытались и по звёздам, и по небоскрёбам вокруг нас, и по другим каким-то признакам, но все оказалось тщетным. Устав от всех этих бесплотных попыток, просто взяли такси и доехали до порта. Таксист взял с нас сравнительно недорого, всю дорогу развлекал рассказами, да ещё и девочек предложил, от чего мы с благодарностью отказались.

Одним из положительных моментов в порту Кейптауна я считаю наличие The Cape Town Station of the Mission to Seafarers или Миссии для моряков. В Миссии было два или три микроавтобуса, и всех желающих из порта бесплатно подвозили, куда они захотят. Проблема была лишь в том, чтобы дожидаться, когда автобус приедет, или же встретить его, когда возвращаешься обратно в порт. Также в Миссии можно неплохо и недорого поесть, попить пива и поиграть в бильярд или настольный теннис. Отсюда же можно было с удобством позвонить.

Самая очевидная и запоминающаяся достопримечательность Кейптауна, это Столовая гора, которая возвышается над всем городом, а город, собственно, вокруг неё и располагается. Свою Столовую гору, которая действительно выглядит как огромный плоский стол, жители Кейптауна очень любят. На ней произрастает эндемичная растительность, и живут эндемичные животные и насекомые. Одним из таких животных является скальный или капский даман, часто его зовут «дасси». Похож зверёк на грызуна, покрыт коричневато-серым мехом, отлично прыгает по скалам, а размером не больше домашней кошки. Тем не менее этот зверь является ближайшим родственником слонов и ламантинов — создателю не откажешь в чувстве юмора. В честь Столовой горы французский астроном Никола Луи де Лакайль назвал открытое им в 1754 году новое созвездие в южном полушарии, и жители Кейптауна очень этим гордятся.

Мы посетили возвышающуюся над городом Крепость Доброй Надежды или Кейптаунский замок, построенный голландцами во второй половине XVII века и позже отжатый у них англичанами. Место примечательное и выглядит как самый настоящий форт, с пятью мощными бастионами и строениями внутри, среди которых военный музей и церемониальные сооружения для традиционных Капских полков. Во время Англо-бурской войны часть крепости использовалась в качестве тюрьмы, а бывшие камеры сохранились до наших дней. Фортификации впечатляют, а сама крепость внушает уважение.

Неплох оказался и парк в центре города с почти ручными белками, бегающими по дорожкам. Судя по карте, есть ещё и настоящий ботанический сад, но он находится с другой стороны Столовой горы и добираться до него было довольно-таки далеко. Рядом с парком располагаются национальный музей и Планетарий, которые мы тоже посетили с Денисом. В воскресенье, мы всей командой съездили на африканский рынок, полный местных экзотических поделок, среди которых встречались интересные и вполне качественные. В принципе, здесь продают все тоже, что и в магазинах для туристов, но дешевле. Да и сам рынок оказался очень колоритным. Торговцы, часто в национальных одеждах, продавали всякую всячину: резьбу по дереву и камню (в том числе из заирского малахита), красочные картины, батики, предметы национальной одежды, ракушки, чучела африканских животных и тому подобное. Спецификой этого рынка, с чем я до этого не сталкивался в странах, где мне приходилось бывать, было наличие тщательно обработанных окаменелых остатков доисторических существ: трилобитов, древних рыб и каких-то иных неизвестных мне тварей.

Из других достопримечательностей Кейптауна, с которыми нам удалось ознакомиться, я бы выделил местный аквариум. Билеты туда оказались довольно дорогими (50 рандов), но аквариум стоил этих денег. Здесь было собрано много уникальных рыб и других морских животных из акваторий Атлантического и Индийского океанов. Экспозиции сделаны здорово, не хуже, чем в аквариумах США, Новой Зеландии или Сингапура. Мне понравились гигантские, высотой в 4—5 метров стеклянные аквариумы, представляющие собой кусок прибрежного дна, с огромными местными водорослями, камнями, гигантскими рыбами. Пространство перед этими кусочками подводного сада освещалось только мягким светом, исходящим из самого аквариума. Рядом располагались ступеньки, на которые мог присесть и отдохнуть зачарованный посетитель. Откуда-то сверху лилась тихая приятная музыка.

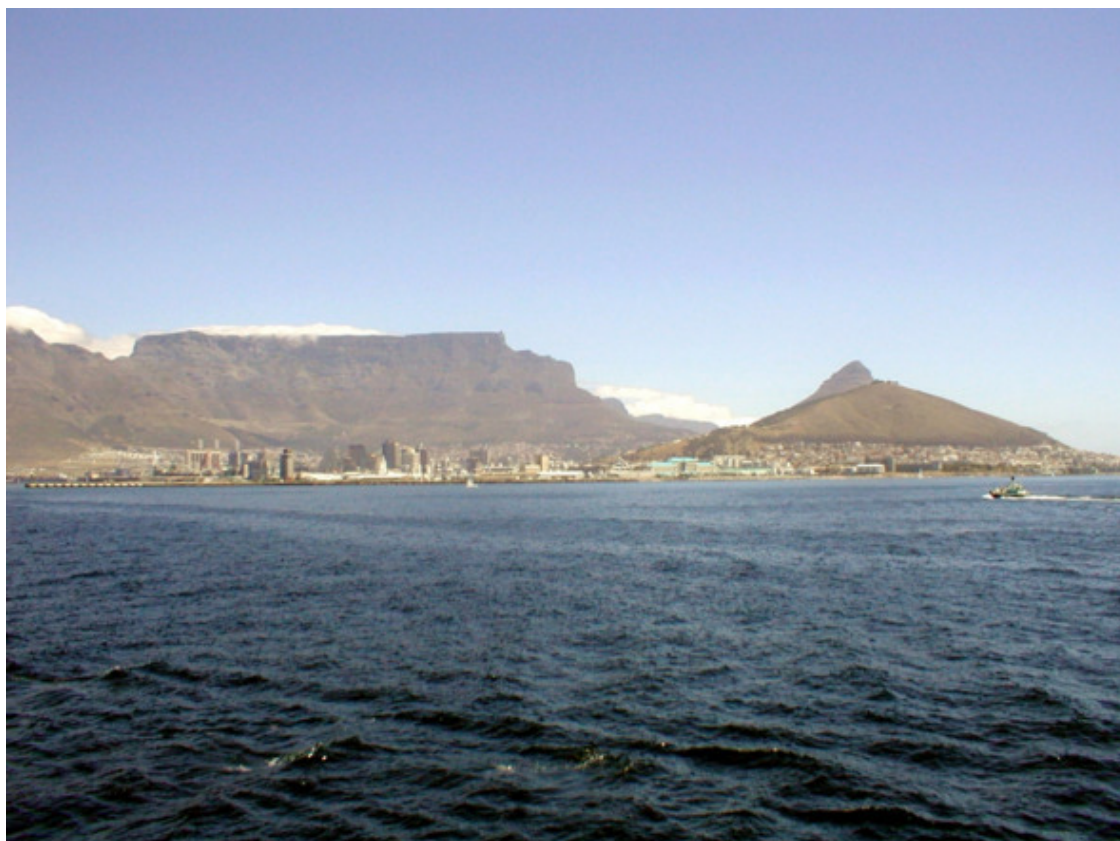
В один из дней, предприняли вылазку в местечко под названием Саймонстаун. Поездка туда на электричке без стёкол заняла у нас минут 30—40. Мы проехали вдоль Кейптауна, потом через какие-то маленькие рыбацкие селения по берегу моря. Саймонстаун оказался военно-морской базой Южноафриканской республики. Мы прошли через весь военно-морской порт в котором находились один небольшой военный корабль и корабль поддержки. Путь на пляж нам показал бравый морской офицер в красивой белоснежной форме, которого мы встретили в винном магазинчике, а затем местная бабулька, довела нас до самого места. Пляж начинался с резервации пингвинов, вход куда стоил 10 рандов. Это была довольно большая колония южноафриканских очковых пингвинов и пингвинов Адели, которых мы от души сфотографировали. Выйдя из резервации, мы вскоре натолкнулись на совершенно потрясающий открытый пляж, с чистейшим жёлтым песком и огромными, высотой несколько метров, гранитными валунами, благодаря которым пляж так и назывался: Boulders beach — Пляж валунов. На пляже, прямо среди отдыхающих туристов, деловито бродили пингвины, ничуть не боявшиеся людей и даже наоборот, норовящие тяпнуть за палец, если кто-то проявлял излишнюю фамильярность. Пингвины чувствовали себя настолько свободно, что, когда мы лежали после купания на песке, к нам подошёл один из пингвинов и отложил яйцо почти мне под нос. Я был тронут таким доверием.

Люди здесь вели себя не менее раскованно. Рядом с нами две молодые голландские туристки загорали нагими и в таком же виде ходили купаться, явно получая удовольствие от наших нескромных взглядов. Из Москвы я взял с собой маску с трубкой и лапами и от души понырял. Дно оказалось очень живописным, с большим количеством рыбы, ракушек и прочей живности. Было много огромных, до 5 метров высотой бурых водорослей, в которых вполне можно было запутаться; среди этих водорослей сновали разнокалиберные рыбки. Именно эти гигантские водоросли мы и видели в Аквариуме. К сожалению, вода была не очень прозрачной, вероятно взмутилась после шторма, случившегося здесь пару дней назад. Мне всё же удалось найти на дне большую и красивую ракушку, которая хранится у меня до сих пор дома, напоминая о Пляже валунов в Саймонстауне. Примерно в 4 часа по полудни мы сели на электричку и вернулись в Кейптаун.

В предпоследний день стоянки в Кейптауне, произошло небольшое происшествие. Мы с Денисом возвращались из города в порт, Саша Новигатский с нами в тот день на берег не сходил по причине сильного обгорания и плохого самочувствия. Вдруг, примерно на середине пути, из-за поворота прямо на нас выскочили три мелких африканских тинэйджера возрастом от 11 до 14 лет. Самый старший из них приставил серпообразный ржавый нож, похожий на садовый секатор, к животу Дениса и потребовали у него деньги и висевший на шее фотоаппарат. Денис растерялся, а я тут же схватил за шиворот второго из нападавших, который ока-

зался рядом со мной, и замахнувшись кулаком над его головой сказал старшему с ножом, что я его сейчас убью, если он не отпустит моего друга. Пацаны, видимо, не ожидали такой реакции, а может, это был их первый налёт. Моё агрессивное поведение их озадачило, и они явно растерялись, не зная, что делать дальше. В это мгновение рядом резко затормозили небольшой грузовичок с двумя белыми парнями в кабине, и легковушка, за рулём которой находился молодой мужчина. Увидев это, юные налётчики решили дальше не испытывать судьбу и тут же удрали, перепрыгнув через забор, отделявший дорогу от порта. Остановившиеся парни вышли из машин и спросили, в чем дело и не нужна ли их помощь. Объяснив, что на нас напали, но теперь все в порядке, мы поблагодарили мужчин за участие и продолжили свой путь на судно. Денис, мне потом говорил, что он вообще ничего не успел понять, а только увидел большой кривой нож у своего живота и все. В этом инциденте меня больше всего поразила реакция обычных кейптаунских мужиков. Увидев, что чернокожие хулиганы напали на прохожих, они тут же пришли на помощь, хотя мы для них были совершенно незнакомые люди.

На следующий день в 14.30 мы отшвартовались от причала, помахали рукой Кейптауну и вышли в море.

1. Кейптаун: Столовая гора (слева) и гора Львиная голова (справа)

2. Среди пингвинов на пляже Боулдерс в местечке Саймонстаун

3.Выход в море. «Ревущие сороковые»

15—19.02.2003. Наше судно взяло курс на юг, двигаясь вдоль Мыса Доброй Надежды. Как только вышли из акватории порта, сразу же почувствовали дыхание Атлантического океана, а когда миновали южную оконечность мыса Доброй Надежды, то за нас взялся уже сам Южный океан, и эту хватку мы ощутили в полной мере. Пять дней в «ревущих» сороковых широтах нас так здорово кидало, что, несмотря на солидные размеры судна, ночью было трудно уснуть. Почти все мои коллеги заметно укачались, я же сильно от качки не страдал и регулярно ходил на приёмы пищи. Несмотря на сильную качку и штормовой ветер, которые продолжались все пять дней, пока шли в сороковых широтах, мы начали свои традиционные попутные работы почти сразу же. Эти работы включали в себя отбор проб поверхностной воды на ходу судна, с последующей её фильтрацией для выделения взвешенного вещества, а также сбор аэрозолей с помощью нейлоновых сеток, натянутых на мачте на баке судна.

Главной целью, стоявшей перед нашей группой, являлось изучения биогеохимических процессов в Антарктике. Известно, что как загрязнения так и природные формы химических элементов распространяются совместно в основных геосферах земли, поэтому требуется одновременное комплексное изучение атмосферы, водной толщи, снежно-ледяного покрова и донных осадков. Эти данные помогут нам понять, как природный материал и загрязнения поступают в Антарктику, разносятся в ней, распределяются в разных сферах и влияют на её экологию и осадкообразование в море.

Для выполнения нашей программы нам требовалось отобрать по определённому плану пробы снега, льда, морской и озёрной воды, донных осадков и почвы из антарктических оазисов. Попутно по ходу судна отбираются поверхностная морская вода, содержащая взвесь и планктон, и воздушные аэрозоли, которые также являются участниками осадочного процесса и могут переносить различные загрязнения. В дальнейшем будут изучаться минералогический и химический составы отобранных проб, выполняться определения растворенных и взвешенных форм элементов, включая тяжёлые металлы, органические и другие виды загрязнений. Исследования, которые невозможно сделать на судне, будут проводиться в стационарных лабораториях ИОРАН и других институтов. Полученные в экспедиции результаты исследований будут опубликованы в российских и международных научных изданиях, а выводы использоваться при планировании дальнейших научных работ в Антарктике и Арктике.

20.02.2003, четверг (51°24'ю.ш., 04°36'в.д.) «Ревущие сороковые» мы, наконец-то, прошли. Они и впрямь оказались «ревущими». Волны вздымались до высоты не менее 5—7 метров, а порывы ветра достигали 30—35 м/сек. Наш огромный «Фёдоров» раскачивало, как резиновую утку в детском тазике, а по ночам несколько раз закладывало на борт так, что первую ночь я не мог спать ожидая объявления шлюпочной тревоги. На следующий день опытный полярник Новигатский меня успокоил, сообщив, что предельно допустимый угол крена у «Фёдорова» составляет 57°, что говорило о великолепных мореходных качествах этого судна (для сравнения, предельно допустимый угол крена у флагмана ИОРАН нис «Академик Мстислав Келдыш» составляет всего 43°).

Вскоре мы вошли в «неистовые пятидесятые», как их называли когда-то британские моряки. Для нас пятидесятые широты оказались более дружелюбными, вопреки своему грозному названию. Появились первые айсберги. Зрелище довольно впечатляющее: огромные ледяные глыбы белого цвета, переходящего в голубой и цвет морской волны, часто весьма при-

чудливой формы. Пока это единичные экземпляры. Для меня это была не первая встреча с айсбергами. Впервые, я познакомился с ними ещё в далёком 1983 году, в 30 рейсе нис «Дмитрий Менделеев», когда мы выполняли океанографические исследования в южной части Тихого океана. Наш маршрут тогда пролегал от новозеландских островов Кэмпбелла и до пролива Дрейка вдоль 67° ю.ш.

Днём к нам подошёл начальник всего сезонного отряда Василий Леонтьевич Кузнецов и попросил составить план работ на станции Новолазаревская, куда мы должны зайти через несколько дней. Нам с Сашей было предложено слетать на материк для сбора материала на озёрах, на что я с восторгом согласился, а Саша восторга не выразил. Он был там в прошлой экспедиции и, насколько я понял, удовольствия это ему не доставило.

Вечером, отметили первую встречу с айсбергами. Участвовали: Дэн, Саша, я и сосед Дэна по каюте Роман Смирнов — молодой биолог из питерского Зоологического института РАН. Дэн сначала пригласил нас на дегустацию пива, закупленного им в Кейптауне, к которому до этого дня он не притрагивался из-за боязни, как бы пиво не вступило в непредвиденную реакцию с содержимым желудка во время качки. Сначала выпили по баночке, посмотреть, как напиток приживётся. Напиток прижился, тут же выпили по второй, и Дэн предложил перейти к третьей, но народ отказался. Было решено продолжить праздник с помощью коньяка, который Новигатский купил по случаю у коллеги в ИОРАН и привёз с собой в 10-литровой канистре. Коньяк тоже хорошо себя проявил в желудке, и веселье продолжалось бы и дальше, но пришлось проявить твёрдость, и под предлогом того, что нам с Сашей завтра, возможно, предстоит работать на берегу, мы удалились в свою каюту.

21.02.2003, пятница (57°14'ю.ш., 07°34'в.д.) С утра к нам в каюту прибежал озабоченный Дэн, который услышал про нашу высадку на станцию Новолазаревская, и загорелся желанием тоже поучаствовать. Мы вывесили в лаборатории расписание работ на станции, включая наш полет на озёра для отбора проб льда, снега и воды. Инна вставила в расписание все работы по максимуму — посмотрим, что удастся сделать. Дэну же посоветовали отловить Кузнецова и сказать ему, что для успешного выполнения его программы ему необходимо полететь с нами на озёра и отобрать там пробы. Сам Дэн совершенно не помнил, что было написано в его программе, составленной биологом ИОРАН Игорем Мельниковым, по-моему, он даже в неё и не заглядывал. С первой попытки найти Леонтьевича ему не удалось, и огорчённый Дэн завалился спать до обеда.

Во время отбора утренней 9-часовой пробы морской воды ведром пошёл первый снег, в виде крупных белых хлопьев. Закончив с работами на палубе, перешли в лабораторию. Саша — фильтровать отобранную морскую воду для выделения взвеси на фильтрах, Инна — мерить углеводороды в воде на судовом хроматографе, а я готовить полиэтиленовую посуду для грядущих работ на Новолазаревской. Посуда оказалась на редкость грязной, так как до этого в ней хранились пробы льда и снега с крыши ИОРАН в Москве на Нахимовском проспекте, где стоит станция мониторинга атмосферных осадков. Поэтому я просто залил в неё подкисленную соляной кислотой воду и оставил отмокать на ночь. Завтра у меня будут проблемы с отмыванием этой посуды. На полднике мы встретили поникшего Дениса, который сообщил, что ему в конце концов удалось поймать Кузнецова, но тот ему сказал, что о полёте на континент надо было договариваться вчера, а сейчас программа работ на станции Новолазаревская уже утверждена начальником экспедиции Алексеевым. Мы стали утешать Дэна, как могли. Может в дальнейшем можно будет брать его с собой, так как Саша Новигатский не горит желанием высаживаться, а Денису очень хочется попасть на континент.

Покончив с полдником, я поднялся к Саше Плишкину на пеленгаторную палубу где он работал со счётчиком частиц для изучения гранулометрического состава аэрозолей. Саша рассказал, что айсберги, которые мы встретили, выносились течением Западных ветров с шельфовых ледников Антарктического полуострова. Теперь же эту зону мы прошли, и до самой Антарктиды айсбергов скорее всего мы больше не встретим. Море продолжает оставаться спокойным несмотря на то, что мы находимся в так называемых «неистовых пятидесятих» широтах. Пообщавшись с Плишкиным спустился на главную палубу, по которой в это время прохаживалось несколько человек. К прогулкам после еды здесь многие относятся серьёзно и стараются больше ходить, кто по главной палубе, а кто энергично отмеряет круги на Вертолётной палубе. Большинство же просто прогуливаются и дышат воздухом. Это помогает сохранить форму при длительном нахождении в ограниченном судовом пространстве.

После чая сыграли учебную пожарную тревогу для команды, по которой участники РАЭ должны оставаться в своих каютах. Ещё через какое-то время объявили о вхождении в особую зону Антарктических вод, где в соответствии с международным правом по Антарктике, запрещено выбрасывать что-либо за борт. На простом понятном нам языке это означало, что мы пересекли 60-ю параллель южной широты. После ужина смотрели с Ромой и Новигатским французский документальный фильм «Микрокосмос», который Саше подарила его девушка. Это фильм о жизни насекомых, практически без комментариев и снят совершенно потрясающе, пожалуй, лучшее, что я видел на эту тему.

22.02.2003, суббота (63°10,37'ю.ш., 10°01,17'в.д.) Утром меня разбудил луч солнца, который светил прямо в глаз. По левому борту, как раз напротив нашего иллюминатора, оказалась полоска чистого неба, всего в два пальца толщиной, но после завтрака эта полоска быстро затянулась, и небо вновь приобрело привычный свинцовый оттенок.

Вернувшись в лабораторию после отбора утренней пробы морской воды, встретили там Кузнецова, который сказал, чтобы мы с Новигатским завтра были готовы к отправке на станцию. Предполагается, что нас туда забросят вечером первым же вертолётном, пока судно ещё будет биться во льдах на подходе. Это означало, что нам предстоит провести на станции ночь, а может быть и не одну, с тем чтобы с утра сразу же приступить к работе. Я поинтересовался у Саши, какую одежду надо будет с собой взять. Он сказал, что тёплого синего комбинезона, бахил и оранжевого комбинезона сверху (это тот, который не продувается) будет достаточно.

Денис не пришёл на обед. Мы с Сашей забеспокоились, а его сосед Рома сказал, что Дэн хандрит. После обеда мы его навестили, он сидел у стола и раскладывал на своём ноутбуке электронный пасьянс. Со вчерашнего дня у него болит живот и в таких случаях он лечится голоданием, — «Спасибо, что пришли, но у меня все в порядке.» Я понял, что он все ещё разочарован, что не полетит на станцию Новолазаревская.

После чая обсуждали с Сашей в каюте, что будем делать на станции. В районе Новолазаревской пять озёр, но нам нужно опробовать только то, где отбирались пробы в прошлый раз. С остальными, по его словам, не стоит возиться. Нужно будет взять с собой бур, 40 литровые полиэтиленовые бидоны и 5—7 больших, 60 литровых полиэтиленовых баков для сбора образцов льда, снега, и подлёдной воды. Нас ожидает тяжёлый труд, связанный с ручным бурением льда. Во всем, что касается отбора проб льда и снега я вынужден полагаться на Новигатского, так-как собственного опыта пока не имею. Мой предыдущий опыт палубных морских работ был связан со сбором воды, водной взвеси, аэрозолей и донных осадков. Кроме нас, в высадке

будут участвовать экологи из ААНИИ. Они собираются работать на всех пяти озёрах, а мы будем, если потребуется, им помогать, после того как сделаем свою работу. Так здесь принято — все помогают друг другу.

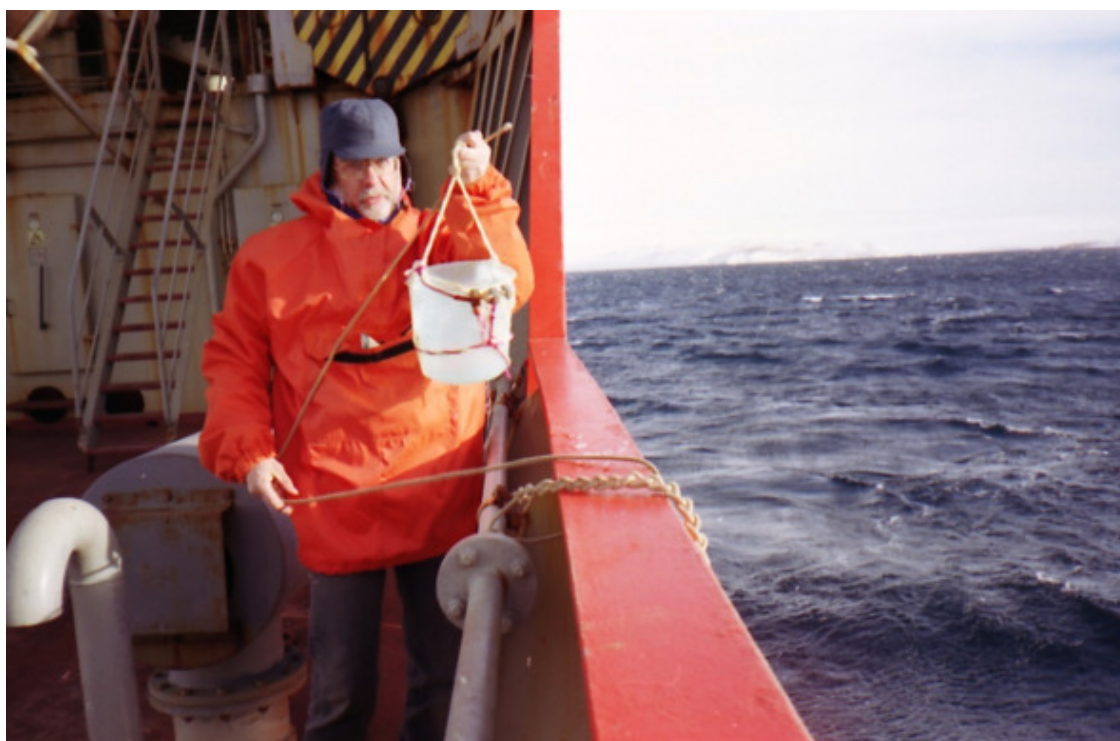
23.02.2003, Воскресенье, День Советской/Российской Армии. Погода с утра потрясающая, праздничная. Светит солнце, на небе ни единого облачка. Не мог себе даже представить, что в Антарктике может быть такая погода. На море небольшой ветерок поднял мелкие барашки, но это совсем мелочь для «Фёдорова», он реагирует только на океанскую зыбь, которая по большому счету здесь никогда не прекращается. Сегодня у моего отца день рождения, интересно, получил ли он мою поздравительную телеграмму? Дэн выздоровел и с утра уже нацеливается на праздничный кофе с коньяком.

Как всегда, отобрали воду на фильтрацию, а потом наш главный судовой врач Горбунов пригласил нас с Сашей Новигатским в свой кабинет пройти проверку на адаптивность. Такую проверку мы уже проходили в Питере, но Горбунов продолжает вести какие-то более углублённые исследования. Сашу он проверил и сказал, что он лучше всех и может ужиться с любым человеком. Потом наступила моя очередь. Я тоже, по его словам, оказался не плох, хотя и уступал по показателям Саше. Затем мы с Горбуновым затеяли интеллектуальную беседу о методе сравнения биоритмов, сопоставления кардиоактивности с пульсом и тому подобное — честно говоря, я всей специфики этих методик так до конца и не понял. Перешли на иридодиагностику, которой увлекается доктор, но на самом интересном месте нас прервали очередной пациент и Новигатский, позвавший меня в каюту Инны Немировской для отмечания праздника. Сначала присутствовали только мы с Новигатским и Инна со своей подругой и «сокаютницей» Ольгой Воскобойниковой, научным сотрудником Зоологического института РАН из Питера, но вскоре к нам присоединились Денис и Володя Раздольский — химик-аналитик из судовой инженерной группы, работающий в гидрохимической лаборатории вместе с Инной.

Вошли во льды. Кругом, насколько хватает глаз, льдины и льдинки, мелкие и крупные айсберги. Море уже не синее, а практически белое: 50—60% поверхности моря покрыто льдом и снегом. Начали ощущаться и удары льдин о корпус судна. Пошёл с Ромой на пеленгаторную палубу и обнаружили там раненную чайку. Спросил у Плишкина, не он ли так с ней обошёлся? Говорит нет. Ночью включали прожектора, и, вероятно, сбита с толку чайка налетела на трубу.

3.А. Плишкин измеряет гранулометрический состав аэрозолей на пеленгаторной палубе

4.Автор отбирает поверхностную морскую воду ведром на ходу судна

5. И. А. Немировская в гидрохимической лаборатории

6. Фильтрационная лаборатория

7. Каюта на НЭС «Академик Фёдоров»

8. Д. Айбулатов на фоне айсбергов

4. Первая встреча с Антарктидой. Станция Новолазаревская и Оазис Ширмахера

24.02.2003, понедельник (70°46' ю.ш., 11°50' в.д.) Сегодня должно было состояться то, ради чего я, собственно, и отправился в эту экспедицию — посещение таинственного материка. С утра мы долбили в припайный лёд, но он оказался слишком толстым для «Фёдорова», местами более 2 м. С налёта удалось пройти лишь метров 150 — 200 и судно увязло в этом льду. После завтрака на вертолётную площадку из ангара выкатили вертолёт — трудовую лошадку Ми-8. Члены команды в течении часа устанавливали на нём винты и проводили предполётную подготовку. Потом лётчики подняли вертолёт в воздух, полетали вокруг и вновь посадили его на палубу, а вскоре нам дали команду грузиться и занимать места. В основном летели полярники нашей 48 экспедиции на смену ребятам, которые отзимовали в 47РАЭ. Кроме зимовщиков летели ещё двое экологов из ААНИИ, главный врач экспедиции Горбунов, и мы с Новигатским. Полет продолжался минут 40 над абсолютно белой и плоской, как блин, поверхностью. Как тут было не вспомнить «белое безмолвие» Джека Лондона.

И вот на горизонте появились желтовато-бурые холмы Оазиса Ширмахера, на которых и располагалась наша антарктическая станция Новолазаревская. Оазис Ширмахера находится на Берегу Принцессы Астрид на Земле Королевы Мод. Это место названо так в честь немецкого пилота Р. Ширмахера, участника немецкой экспедиции на судне «Швабенланд», который в 1939 г. обнаружил эти горы в процессе исследования Новой Швабии во время облёта местности. Это оказалось одним из редких случаев, когда географическое открытие было сделано с воздуха. В то время гитлеровская Германия проявляла повышенный интерес к Восточной Антарктиде. Существовали планы обустройства в этом районе подводной базы для немецких субмарин. В последствии от этих планах отказались из-за удалённости Антарктиды от основных судоходных путей в Атлантике. Тем не менее в сети до сих пор витают легенды о том, что база все-таки была построена в одной из гигантских подлёдных пещер, имеющих в районе Оазиса Ширмахера, и что там, якобы, до сих пор прячутся немецкие подводные лодки. Однако, поиски энтузиастами этих пещер с немецкими подводными лодками до сих пор так ни к чему и не привели.

Широко известно, что Антарктида представляет из себя ледяную пустыню и, по аналогии с обычными пустынями на других континентах, здесь выпадает очень мало осадков: 30—60 см в год. Тем не менее этих осадков в сочетании с невероятно холодным климатом оказалось достаточно, чтобы за миллионы лет покрыть весь континент толстым (до 3 километров и более) слоем льда. Как и в пустынях Африки, Азии, Америки и Австралии в Антарктиде тоже встречаются оазисы, которые представляют собой свободные от постоянного ледяного или снежного покрова участки местности, окруженные антарктическим ледяным щитом. В оазисах есть пресная вода в виде озёр, некоторые из которых летом оттаивают. Климат в оазисах, как правило, более мягкий. Зимой температура на 1—2° С, а летом на 5—6° С выше, чем на окружающей территории. Размеры оазисов составляют от десятков до сотен км², а общая их площадь в Антарктиде — 10 тыс. км² (до 0.3% от территории Антарктиды). Большинство научных станций в Антарктиде располагается в оазисах.

Справка: «Станция Новолазаревская расположена на юго-восточной оконечности оазиса Ширмахера приблизительно в 80 км от побережья моря Лазарева. Шельфовый ледник со слегка волнистой поверхностью покоится на ледяном куполе, простирающемся к северу

от станции вблизи залива Ленинградский. Сюда подходит склон ледяного щита. Оазис представляет собой скальное образование, протягивающееся тонкой полосой длиной около 17 км и шириной 3 км с запада северо-запада на восток юго-восток. Рельеф типично холмистый с максимальной высотой над уровнем моря 228 м. В оазисе насчитывается до 180 озёр. Ледяной покров озёр летом, как правило, не тает, однако некоторые озера летом вскрываются. Климат в оазисе обладает преимущественно континентальными характеристиками. Большая часть поверхности оазиса характеризуется отсутствием ледового покрытия не только летом, но и в зимнее время. Станция была открыта 18 января 1961 г. Координаты станции: 70°46'04» ю.ш. и 11°49'54» в.д.; располагается она на высоте 102 м над уровнем моря. (Атлас Антарктики, 1966).

К сожалению, наш прилёт омрачился несчастным случаем. Одного из механиков станции, поливавшего перед этим вертолётную площадку, чтобы снизить количество пыли, так ударило тяжёлой дверью ангара, которая пришла в движение от ветра, поднятого винтами вертолёта, что парня пришлось эвакуировать на судно, где ему срочно сделали операцию.

Выгрузив наши личные вещи и оборудование для сбора проб льда, воды и снега, мы доложили о своём прибытии начальнику станции, и выяснили, что нашим обустройством он займётся после обеда. Полярники нам рассказали, что все озера, кроме озера Станционного, вскрылись от льда, так что фронт наших работ существенно сократился до этого самого озера. Для наших работ необходимо одновременно отбирать пробы льда, снега и подлёдной воды, так как цель дальнейших исследований: изучить динамику перераспределения нефтяных углеводородов и микроэлементов в разных фазах и процессы обмена между этими фазами. Таким образом, у нас образовалось 3 часа свободного времени, которое мы решили посвятить обследованию станции и её окрестностей.

Начать решили с ледника, который примыкает к станции, возвышаясь над ней на несколько десятков метров. Благодаря подбитой металлическими шипами обуви, мы залезли на него без проблем почти за час, но до самого верха добраться не удалось, он оказался значительно выше, чем мы предполагали. Ледник вздымался идущими друг за другом валами и снизу его максимальную высоту было трудно оценить. Постояв на леднике и полюбовавшись открывающимися видами на сам оазис и станцию Новолазаревская, мы начали спуск вниз, который, как всегда, оказался труднее восхождения. Во время спуска обнаружили жёлто-синий флаг из прекрасной мягкой материи, типа бархата, оставленный каким-то обществом украинских юристов (видно неплохо живут украинские юристы, раз могут себе позволить такие поездки). У нас сразу же возникла грандиозная идея — сделать себе из этого флага коврик на пол в каюте. К сожалению, реализовать идею оказалось значительно сложнее, чем её придумать. Флаг глубоко вмёрз в лёд и, промучившись с ним почти час, мы отказались от задуманного и двинулись вниз к станции.

Погода в районе станции была великолепной: температура около нуля, безветренно, солнце и ни единого облачка. Мы же оделись, как для работы в зимнее время, поддели под комбинезоны тёплое белье, а ещё и шерстяные свитера. Выданные нам комбинезоны были очень тёплыми, и, как говорили мне потом опытные полярники, летом в такую погоду их можно одевать прямо на голое тело.

Питание на станции оказалось очень даже неплохое. В обед нас угостили вкусным гороховым супом, хорошо приготовленной печёнкой и макаронами с подливкой. На судне печень готовят гораздо хуже. Столовая одновременно была и библиотекой, с книжным стеллажом у

одной из стенок и кинозалом, где имелась видеотехника, с подборкой различных видеофильмов. А в кают-компании мы обнаружили стол для пинг-понга, бильярдный стол и разнообразные игры типа шахмат, шашек, шиш-беша, и «блошки», о которую я до сих пор не слышал и как в неё играть не знаю. Кроме того, полярники рассказали, что у них есть и доступ в Интернет.

После обеда нам предоставили в одном из домиков (балков) большую и вполне приличную по экспедиционным меркам комнату на четверых, совместно с экологами из ААНИИ. Перетащив свои вещи из кают-компаний в эту комнату, мы переоделись и пошли на озеро Станционное, где до конца дня нам предстояло отбирать пробы. Озеро оказалось недалеко, всего 10—15 минут пешком, и мы за две ходки перетащили туда все своё оборудование.

Только когда мы приступили к работе, я понял, почему Новигатский был грустен и не очень-то радовался предстоящей поездке на станцию. В отличие от меня он знал характер предстоящих работ. Бурить озёрный лёд ручным титановым буром оказалось очень нудным и тяжёлым занятием. Сначала надо было научиться забуриваться в лёд, что получилось у меня не сразу, а сама процедура бурения озёрного пресного льда оказалась довольно тяжёлым физическим испытанием. На наше счастье, лёд оказался не толстым, всего 22—25 см, но пробурить надо было 15 лунок, чтобы забить до упора оба 40 л бидона. Наилучший результат достигается, когда буришь вдвоём. Становимся друг напротив друга и крутим бур в четыре руки. Нам с Сашей было удобно это делать, так как мы примерно одного роста и телосложения. После выбуривания кернов мы их описывали и делили на две равные половины, чтобы отобрать по отдельности в разные ёмкости верхнюю и нижнюю части колонки. Закончили с пробами к ужину, при этом сильно устали. Отобранные пробы льда и воды в баках и бидонах подтащили по льду к берегу с тем, чтобы утром договориться с Володей, начальником станции в 47 РАЭ, о выделении транспорта. На себе тащить весь этот груз на станцию было практически невозможно.

Полужинав решили отобрать пробу воды из Верхнего озера, расположенного рядом со станцией. Дело в том, что наш руководитель Инна Немировская больше всего хотела получить пробы именно из этого озера, т.к. анализ полученного ею в прошлом году материала из него показал интересные результаты, и она хотела бы сравнить их с данными этого года. К сожалению, кроме воды из озера ничего отобрать не удалось: ни снега, ни льда — озеро полностью вскрылось к нашему приезду. Интересно, что в Атласе Антарктики все эти озера описываются как нескрываемые, но они сейчас постоянно оттаивают, что наблюдается, по крайней мере, второй год подряд. Ещё одно доказательство глобального потепления? Наша задача по отбору пробы из озера Верхнего облегчалась тем, что оно обеспечивает станцию водой, и почти на 1/3 его ширины на нем проложены мостки, по которым проходит водозаборная труба. По этим мосткам мы отошли подальше от берега и отобрали чистую пробу, предварительно разбив тонкий стеклообразный слой покрывавшего озеро молодого льда.

Сделав дело, направились на прогулку вокруг станции по оазису Ширмахера. Меня, как геолога, заинтересовали и восхитили породы, которыми были представлены окружающие нас скалы. В основном, это оказались разнообразные гнейсы, гранито-гнейсы, гранодиориты и т. п. Попадались пегматитовые прожилки с крупными кристаллами полевого шпата и кварца. Часто в породах попадались тёмно-коричневые гранаты. Говорят, что наши геологи нашли в Антарктиде трубку взрыва с алмазами (кажется, на станции Прогресс). На свои вопросы, а есть ли золото, я получал туманные ответы. Часто, жильное золото встречается в породах кислого или гранитного состава, которые в большом количестве присутствуют на Антарктическом континенте. Вот только найди его здесь непросто.

25.02.2003, вторник, станция Новолазаревская, день второй. Встали около 8.00 по местному времени. Завтрак здесь начинается на полчаса позже, чем на судне, а нас определили во вторую смену, т.е. в 8.20. После завтрака для транспортировки наших бидонов и баков с водой и льдом нам выделили гусеничный транспортёр-тягач — ГТТ и лихого водителя Петро, с которым мы познакомились ещё накануне: он интересовался прибыли мы сюда на зимовку или же мы «сезон». Тягач запустился не сразу (не работал подогреватель), но, в конце концов, его удалось завести, и Петро предложил отвезти нас до бидонов, а обратно ехать самим. Эта перспектива нас несколько озадачила, но я подписался под этой авантюрой, вспомнив, как когда-то в молодости, после окончания университета, учился ездить на аналогичной технике на метеостанции в Амурской области. К счастью, до этого дело не дошло. Петро усомнился в моих возможностях механика-водителя и сам привёз нас к месту посадки на вертолёт. Перетащив все свои вещи и отобранные пробы к кают-компанию, решили напоследок ещё раз прогуляться вокруг станции. Поднялись к установленному на вечный прикол старому вездеходу, который полярники называют «Пингвин». Провели небольшую фотосессию рядом с ним и внутри, а затем решили подняться на гребень, откуда должен был просматриваться заснеженный материк за пределами оазиса Ширмахера. Гребень этот располагался за Станционным озером, где за день до этого мы отбирали пробы. Поднявшись наверх, я очень пожалел, что оставил свою камеру на станции. Перед нами предстала потрясающая по красоте картина. Коричнево-бурые, необычной формы скалы контрастировали с открывающимся видом на совершенно белый «океан» антарктического льда и снега, который отходил застывшими волнами от скал оазиса, превращаясь через несколько десятков метров в абсолютно ровную, без единого пятнышка и морщинки белую скатерть.

Во время наших геологических прогулок по оазису Ширмахера я обратил внимание на глубокие выемки и округлые отверстия в гранитных породах, которые напомнили мне следы волнового воздействия в прибрежных скалах. При ближайшем рассмотрении они оказались следами ветровой эрозии (волновое воздействие здесь ожидать не приходилось). Такие ниши оставляют небольшие камешки, попадающие в маленькую неровность в породе и под действием ветра, вращаясь в этой нише, разрабатывают её иногда до существенных размеров. В принципе, ничего особенного, каждый геолог встречался с этим явлением много раз в экспедициях, а студентов геологов и географов с этим явлением знакомят ещё на первом курсе. Однако, есть одно «но». Я такие выемки тоже наблюдал много раз в разных странах, в основном на пляжах, но они встречались, как правило, в мягких породах, не твёрже песчаника и являлись, в основном, результатом волнового воздействия. Здесь же ярко выраженные следы ветровой эрозии наблюдались практически в самой твёрдой на земле породе — в гранитах. Некоторые такие ниши достигали более 15 см в диаметре и до десяти сантиметров в глубину. Это какой же силы должен быть ураган, чтобы подхватывать мелкие куски породы и с их помощью вертеть дырки в гранитных скалах! Когда представляешь себе ветер, способный на такое, становится как-то не по себе.

К 12 часам прилетел наш вертолёт, и мы сначала дружно разгрузили его от продуктов для зимовщиков и оборудования, а затем также дружно загрузили своим инструментарием, бидонами с пробами и бочками из-под горючего. По пути залетели на новолазаревский аэродром, представлявший собой кусок ровной белой Антарктиды, ничем не отличавшийся от других районов, покрытых континентальным льдом и спрессованным снегом. Здесь добавили ещё бочек и в вертолёте стало совсем тесно. Во время полёта пролетели над индийской станцией, которая располагается недалеко от нашей, и зимовщики ходят в гости друг к другу, обмениваясь картинками, плакатами и подарками.

На пароход вернулись к полднику, на который мы не пошли, а взяли причитающийся нам салат, и все вместе отметили наше возвращение и приобщение к полярникам в каюте у Немировской. Перед этим я ещё успел отснять на видео представление, устроенное нам императорскими пингвинами в полынье за кормой «Фёдорова». Пингвины плескались и плавали наперегонки, радуясь открытой воде, которую, как они наверное полагали, мы сделали специально для них. Эти птицы своими повадками и внешним видом похожи на человека больше, чем какое-либо другое животное, не считая, может быть обезьян, а по своей любознательности могут сравниться только с человеком. При этом любознательность или любопытство пингвинов совершенно бескорыстны. Я имею ввиду, что оно не такое, как у других животных или птиц, связанное с возможностью найти что-нибудь съестное. Пингвины шли к нам исключительно из чистого любопытства и ни на какую пищу, которую наши пытались им давать, даже не реагировали. Они подходили просто посмотреть, чем мы занимаемся, и что это за странные существа к ним прибыли, а некоторые из пингвинов, даже пытались с нами пообщаться или чего-то от нас настойчиво требовали, но, к сожалению, нам пока не дано их понять. В голову иногда даже приходят парадоксальные и крамольные для учёного мысли — а не были ли пингвины людьми в прошлой жизни? Уже дома в Москве из фильма Ж. И. Кусто об Антарктиде я узнал, что в XIX веке западно-европейские и американские моряки и китобои уничтожили несколько миллионов этих веселых, жизнерадостных и доброжелательных птиц для пополнения запасов жира. После этого популяция пингвинов восстанавливалась на протяжении всего двадцатого века. К сожалению об этих ничем не оправданных зверствах в отношении пингвинов на Западе, да и у нас мало, что известно, все хранят молчание. Гораздо больше информации имеется о китобойном промысле или об уничтожении американских бизонов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.